

Памяти А. А. Шахматова.

Существует университетское предание. Защищалась диссертация по языку и вот во время прений выступает гимназистъ. Всѣ въ недоумѣніи. Однако возраженія гимназиста все основательнѣе и основательнѣе, они чуть что не губят диссертанта.

Гимназистъ этотъ Алексѣй Александровичъ Шахматовъ.

Это былъ большой и настоящій ученый, на которомъ даже — не боюсь сказать — лежала печать гениальности. Рядовые работники науки иногда говорили о немъ улыбаясь: „у него два факта — гипотеза, три факта — теорія“, но потому то онъ и былъ большой ученый, что ему нужна была теорія. Ему рассказывались бывало то и это. Онъ вдругъ перебьеть: „что же вы хотите на этомъ построить?“ и вдругъ догадается, и лицо его просіяетъ. Онъ заблуждался, къ концу жизни отказался отъ многого того, что въ учебникахъ считается теоріями Шахматова, но въ этомъ была его огромная сила. Для него *magis amica* была *veritas* и на такихъ ошибкахъ учились и учатся цѣлыя поколѣнія ученихъ.

И не есть ли большіе люди — какія то епюшныя, грандіозныя, но такъ научающія насъ ошибки? Вѣдь и Колумбъ думалъ, что онъ открываетъ Индію.

Нѣтъ возможности въ короткой замѣткѣ останавливаться на томъ, что сдѣлано Шахматовымъ. Его изученіе лѣтописи и ея источниковъ признаны классическими, какъ и его работы по русскому языку, по діалектологіи. На его лекціяхъ можно было удивляться его эрудиціи. Онъ зналъ иногда, что „писель“ вмѣсто „кисель“ произносятся въ юго-восточномъ углу такого-то уѣзда и въ такомъ-то селѣ другого уѣзда, потому что это село стоитъ на дорожѣ оттуда и оттуда, и здѣсь проходили поселенія. Я хочу передать нѣсколько человѣческихъ впечатлѣній отъ этого незабываемаго лица. Видѣлъ его еще прошлой зимой. Ходилъ къ его семинаріи по русскому синтаксису, гдѣ всѣ сидѣли въ шубахъ. До февраля онъ удерживалъ меня въ Россіи и все обнадеживалъ возможностью работать. Но въ февраль и онъ меня благословилъ на отъѣздъ. „Тутъ вамъ вѣсто дѣлать, я бы и самъ уѣхалъ, но мнѣ нельзя: семья, Академія“. Онъ думалъ объ Академіи — гдѣ былъ предсѣдательствующимъ отдѣленія, между дровъ, которыя колотъ, между какими то ящиками, которые таскалъ — худой и изможденный. Въ ту проклятую зиму умерли отъ тифа его сестра и мать, и онъ самъ, за веревочку, огрубѣлыми руками тащилъ на санкахъ гробъ, сначала одинъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ другой на кладбище, черезъ петербургскіе сугробы. Во всей его фигурѣ было

столько настоящего русскаго смиренія передъ горемъ, величественнаго и святого.

Я видѣлъ иностранныхъ ученыхъ, которые, говоря о Шахматовѣ, вдругъ преображались, ихъ глаза свѣтились глубокой человѣческой лаской. Но они его не всегда понимали и считали чужакомъ. На дняхъ я говорилъ о немъ съ однимъ, и тотъ, какъ особенное, шахматовское, рассказалъ мнѣ: была уже революція 17-го года и отмѣнили смертную казнь. И вотъ за это, весь сіяя радостью, предложилъ выпить Алексѣй Александровичъ. Какъ онъ замахалъ руками на моего собесѣдника, который вздумалъ было ему возражать.

Да, онъ былъ всегда идеалистомъ — полуребенокъ и полустарикъ!

Когда была объявлена война, онъ хотѣлъ пойти рядовымъ и тайкомъ, стыдась, ходилъ куда-то свидѣтельствоваться. Но его не приняли: кому нуженъ былъ этотъ старикъ? Онъ всегда смущался, когда ему это напоминали, и говорилъ, что старики должны идти на войну, такъ какъ они сдѣлали свое дѣло, а молодежь пусть учится. Но онъ до конца учился и до конца не сдѣлалъ всего дѣла. Какъ онъ увлекался какимъ-нибудь молодымъ ученымъ и какъ много среди нихъ дѣйствительно облагодѣтельствованныхъ имъ. Одинъ изъ нихъ — теперь большевикъ — въ некрологѣ, напечатанномъ въ „Извѣстіяхъ“, говорилъ, что его смерть отъ тяжелыхъ условий жизни произошла отъ того, что Шахматовъ оставался долго непреклоннымъ и не шелъ на компромиссы съ господами положенія.

А развѣ потомъ пошелъ? Умирая, онъ проклиналъ ихъ — я это знаю съ чужакомъ, который былъ у его постели.

„Въ насъ русскихъ проснулась кочевая природа славянства, вотъ и вы ѣзжаете“ — грустно улыбаясь, говорилъ онъ мнѣ передъ отъѣздомъ.

Онъ остался на своемъ посту изъ чувства долга, и вотъ теперь погибъ. Огромная научная величина и прекрасный чуткій чужакомъ необыкновенно нѣжной души.

Юр. Никольскій.